

Хотя это и называлось противостоянием, напряжение испытывала лишь Цзян Ин. Цзян Жань же, развалившись на стуле, смотрела на неё с улыбкой, от которой красивые глаза сузились в серпики, но в самой их глубине таилась ледяная пустота. Связать этот взгляд с прежним робким и забитым существом было невозможно.

Неужели человек может измениться так радикально? Цзян Ин на миг замешкалась, но сомнений не возникло. Она просто подумала: после замужества Цзян Жань явно зажила счастливо. Обретя опору в лице наследной принцессы Империи, она стала совершенно иной.

Теперь она сияла. Словно роза, покрытая пылью, наконец встретила заботливого садовника, который очистил её, позволив явить миру ту самую, истинную красоту.

Взгляд Цзян Ин стал сложным — смесь зависти и восхищения. Она и раньше знала, что кузина хороша собой, но что проку в красоте, коли характер слабый, вечно в изгоях, да ещё и доверчивая до глупости? Такие только позор клану навлекали.

Цзян Ин всегда презирала эту кузину с окраинной планеты, даже травила её из-за той самой красоты. Но кто бы мог подумать, что именно эта никчёмная Цзян Жань выйдет замуж за госпожу Ци Лянь? Свадьба перевернула всё с ног на голову: теперь Цзян Ин оказалась внизу, а Цзян Жань — на недосягаемой высоте.

Такова уж сила власти. Но раньше, до этого визита, Цзян Ин полагала, что главная сложность — новый статус кузины как принцессы-консорт. Не ожидала она, что куда большее давление окажет сама Цзян Жань.

Неужели лишь смена душевного состояния способна так преобразить человека?.. Нынешняя Цзян Жань оказалась крепким орешком! Цзян Ин с досадой подумала: будь кузина такой с самого приезда со Пограничной звезды, она, возможно, выстроила бы с ней отношения.

И не пришлось бы теперь краснеть.

Да, именно краснеть. Смущение сдавило горло Цзян Ин, все заготовленные слова разом улетучились, и речь не шла с языка.

— Чего уставилась? Если дела нет, я пошла.

Цзян Ин могла бы и дальше стоять столбом, но Цзян Жань играть в молчанку не собиралась. Видя, что та преградила путь, но молчит, она собрала вещи в рюкзак, делая вид, что уходит.

Движения её были стремительны. Цзян Ин не выдержала, и слова, вертевшиеся на языке, вырвались наружу:

— Я... я пришла пригласить тебя на день рождения Хуань. — Сказав это, она встретила внезапно обострившийся взгляд Цзян Жань и почувствовала, как по спине побежали мурашки, но продолжила, преодолевая давление:

— Ты ведь, хоть и замужем, всё равно часть нашей семьи? На день рождения Хуань тебе стоит прийти.

День рождения Цзян Хуань?

Цзян Жань положила руку на стол, постукивая пальцами, и с усмешливым прищуром взглянула на сестру:

— Цзян Ин, скажи-ка, сколько раз в год у человека бывает день рождения?

— Ну... один, — нервно выдавила та.

Цзян Жань фыркнула. — А сколько лет я на Столичной планете?

Цзян Ин сглотнула. — Два.

— Два года. И лишь сейчас ты озаботилась моим присутствием на дне рождения Цзян Хуань?
— Глаза Цзян Жань наполнились ещё большей насмешкой. — Ох, не начинай про «одна семья». Если бы вам вправду было важно, чтобы каждый из клана Цзян присутствовал, почему в прошлый раз меня не позвали? Кажется, я даже слухом о том празднике не слыхала, а? — Голос её звучал обвиняюще, но без истерики. Последний звук «а» она протянула тихо и долго, словно шёпот сирены — манящий, но леденящий.

Она высказывала претензии, но лицо её оставалось спокойным, будто речь шла о чужой судьбе. Что, в общем-то, и было правдой.

Это было наследие прежней хозяйки тела. Та обладала натурой улитки: с момента приезда на Столичную планету её постоянно отторгали, а она пряталась в раковину, влача существование в надежде после университета вернуться к отцу на Пограничную звезду. Ни о каких днях рождения сестёр речи не шло — даже на праздники она оставалась на периферии семейной жизни. Разве что в первый день Нового года являлась в родовое гнездо поздравить старейшин да получить красные конверты. А уж молодёжные сборища клана Цзян и вовсе проходили без неё.

Не потому что она не хотела. Её просто никогда не звали.

Услышав это, Цзян Ин побледнела и попыталась что-то сказать, но Цзян Жань вдруг выпрямилась во весь рост, уперлась руками в стол и, склонившись, впилась в неё взглядом:

— О, и не только она. Ты, Цзян Шо, Цзян Янь... В клане Цзян у меня столько братьев и сестёр. У каждого из вас раз в год — день рождения, столько праздников... А меня, кажется, никогда не звали. — Её узкие глаза сверкали лезвиями, каждое слово вонзалось в сердце Цзян Ин, и уклониться было невозможно.

Ибо это была правда.

Все они, каждый из клана Цзян, сознательно или нет, игнорировали прежнюю хозяйку этого тела, обрушив на неё невыносимое по жестокости эмоциональное насилие.

— Что, нечего сказать?

Под насмешливым взглядом Цзян Ин, смертельно бледная, попыталась защититься:

— Но мы же тебя не обижали! Не притесняли! Мы... мы просто не были близки. И ты за это мстишь?

Усмешка в глазах Цзян Жань стала ещё ядовитее. Она резко приблизилась, наблюдая, как на лице сестры вспыхивает паника, и произнесла отчётливо, по слогам:

— Нет. Вы обижали меня.

— Игнорированием. Безразличием. Отстранённым наблюдением. Вы обижали меня способом

куда более изощрённым.

Воспоминания о бесконечных пренебрежениях, а затем — презрении и насмешках, что достались прежней хозяйке, возможно, пробудили в ней отголоски тех эмоций. Взгляд Цзян Жань внезапно наполнился глубокой печалью. Увидев это, и без того виноватая Цзян Ин невольно сглотнула.

— Не только прямое насилие оставляет раны, Цзян Ин. Сколько раз мы сталкивались в университете? Я улыбалась, я здоровалась с тобой. А ты? Помнишь, что делала?

Лицо Цзян Ин окончательно побелело. Что она делала? Конечно, помнила. Вечно фыркала, отворачивалась и проходила мимо.

Младшая сестрёнка не выдерживает натиска. Внимательно наблюдая за её реакцией, Цзян Жань подбросила последнюю щепку в костёр:

— Я относилась к тебе с теплом. А ты не ответила мне тем же. О чём теперь плачешь? Сожалеешь? Чувствуешь вину? Не надо. Честно, я не считаю, что ты мне что-то должна. У нас и не было настоящей близости. — Она хлопнула Цзян Ин по плечу и, пока та глотала слёзы, холодно изрекла:

— Ты, Цзян Хуань, все вы... Какими были наши отношения, такими и останутся. Так что больше не приходи ко мне!

Сказав это, она оставила ошолобленную Цзян Ин, взвалила рюкзак и вышла. Шагала она неспешно, но её уходящая в солнечный свет спина казалась ледяной и непреступной.

Именно такую холодность она сама когда-то от них получала.

Лишь когда шаги Цзян Жань окончательно затихли, Цзян Ин, бледная как полотно, опустилась на парту. Прошло какое-то время, пока в аудиторию не начали подтягиваться студенты на следующую пару. Очнувшись под их любопытными взглядами, она схватила рюкзак и выбежала.

Бежала она по коридору, и девушка с вызывающими волосами в ярости колотила себя по голове.

«Цзян Ин, дура! Какого чёрта ты согласилась пригласить Цзян Жань? Ты же знала, что она вас ненавидит!»

Выругав себя, она вдруг замерла у синих перил и уставилась вниз.

Там, внизу, высокая стройная девушка с чёрными волосами неспешно шла по аллее, неся тяжёлый рюкзак. Сверху её лицо казалось бесстрастным, и без улыбки та редкостная красота обретала холодность, подобную розе с шипами — прекрасной, но неприкосновенной.

Цзян Жань...